

Екатерина Мордвинцева

Мимозы для Розы

УДК 82-312.4
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Мимозы для Розы / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 210 с.

ISBN 978-5-524-00396-6

«Нашелся». Одно слово на открытке, прикрепленной к скромному букету мимозы. Роза не знает, кто ее нашел и зачем. Она оставила прошлое в другом городе вместе с фамилией неверного мужа. Но кто-то упорно возвращает ей надежду. Кто-то, кто ждал семь лет. Кто-то, кто не имеет права ее любить.

Потому что он – брат ее бывшего мужа.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00396-6

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Я просыпаюсь от того, что кто-то сверлит стену.

Этот звук – противный, настойчивый, вибрирующий – вгрызается в мое еще сонное сознание, и мне требуется целых десять секунд, чтобы понять: никто не сверлит стену. Это мой телефон. Он танцует на тумбочке, вибрируя корпусом по деревянной поверхности, и отказывается замолкать.

За окном еще темно. Я щурюсь на экран: 6:47. Неизвестный номер. Шесть часов сорок семь минут утра. Восьмого марта.

Я сбрасываю звонок, переворачиваюсь на другой бок и натягиваю одеяло до самых бровей. В моем новом мире есть правило, которое я выучила за последний год: никто не звонит в шесть утра с хорошими новостями.

Хорошие новости приходят в полдень, с солнцем и чашкой кофе. В шесть утра – только катастрофы, только долги, только «приезжай, срочно», только то, что рушит жизнь.

Моя жизнь уже рухнула. Я имею право доспать. Телефон снова оживает. Та же вибрация, тот же номер.

Я смотрю на потолок. Съемная квартира в городе, где я никому не нужна. Трещина на потолке в форме изогнутой молнии. Пятно на обоях, похожее на карту материков. Запах чужого линолеума и газа от старой колонки.

Восьмое марта.

Раньше этот день пах мимозой и корицей. Раньше я просыпалась от поцелуя в плечо и слышала: «С праздником, моя девочка». Раньше.

Теперь я просыпаюсь от звонка неизвестного номера и смотрю на трещину на потолке.

– Алло, – говорю я, потому что страх пропустить что-то важное все-таки перевешивает желание закинуть телефон в стену.

– Роза Владимировна? Вам заказ, я у подъезда.

Голос мужской, равнодушный, профессиональный. Курьер. Я выдыхаю – тот самый выдох, который копился в груди все шесть секунд, пока шли гудки. Не катастрофа. Не «приезжай». Не он.

– Я ничего не заказывала, – говорю я, и в голосе проскальзывает что-то похожее на разочарование. Или страх. Я уже плохо различаю эти два чувства.

– По адресу Ленина, 17, кв. 34? Роза Владимировна Ковалева?

Ленина, 17, квартира 34. Это я. Это мой временный адрес, который знают три человека: я, хозяйка квартиры тетя Зина и моя подруга Катя, которая живет в соседнем подъезде и каждое утро стучит в стенку, чтобы я не проспала на работу. Три человека. И вот теперь – курьер.

– Спускайтесь, – говорит курьер. – Замерзну тут с вашими цветами. Цветы.

Сердце делает то, чего я не просила: оно пропускает удар. Целый удар. А потом наверстывает с такой силой, что у меня начинается пульсировать в висках.

– Я сейчас, – говорю я и кладу трубку.

Сажу на кровати несколько секунд. Одеяло сползло, и холодный воздух квартиры добирается до моих плеч, до ключиц, до того места на шее, где раньше всегда висел кулон, который я сняла и убрала в коробку с надписью

«Бывшая жизнь» полтора года назад. Цветы.

Восьмое марта.

Цветы.

Я понимаю, что должна догадаться, прежде чем спущусь. В моей голове есть только одно имя, которое могло бы отправить мне цветы на восьмое марта. Только одно. И оно выжжено в моей памяти начертанием, которое я видела на странице загранпаспорта, на страховом полисе, на свидетельстве о браке, которое потом превратилось в свидетельство о разводе.

Игорь.

Мой бывший муж. Человек, который сказал мне «я люблю тебя» в последний раз не в день, когда я уходила, а за полгода до этого, просто по привычке, просто потому что так было принято говорить перед сном.

Человек, который изменил мне с той девушкой из «Инстаграма» с накачанными губами и фотографиями завтраков на фоне Мальдив. Человек, который, когда я спросила «как долго?», пожал плечами и сказал: «Полгода, наверное. Не считал».

Я научилась не плакать по нему. Это было трудно. Сначала я плакала каждый день, потом через день, потом только по пятницам, когда пила вино и слушала грустную музыку, потом – только когда напивалась до чертиков, а потом перестала вообще. Перестала плакать, перестала чувствовать, перестала бояться увидеть его на улице, перестала проверять его страницу в соцсетях, перестала представлять, как он приходит к моей двери и говорит: «Я был дураком, прости».

Я перестала ждать. Я научилась жить без него. Я научилась жить так, чтобы восьмое марта было просто днем, когда в магазинах скидки на женские шампуни.

Я встаю. Ноги находят тапки. Я натягиваю халат – тот самый, клетчатый, купленный в спешке на распродаже, когда я поняла, что из всей одежды, которую я взяла из нашей общей квартиры, нет ничего теплого. В зеркале в прихожей я мельком вижу себя: спутанные волосы, бледное лицо, синяки под глазами. Мне тридцать два. Я выпляжу на все сорок.

Я спускаюсь по лестнице, потому что лифт в этом доме – это отдельная история, которая требует смелости, которой у меня в шесть утра нет.

Курьер стоит у подъезда, переминаясь с ноги на ногу. Он держит в руках что-то маленькое, почти незаметное. Я ожидала увидеть огромный букет – Игорь всегда дарил огромные букеты, от которых

пахло теплицей и деньгами. Розы, лилии, орхидеи. Всегда много, всегда дорого, всегда с помпой.

Но это – маленький букет.

Он почти игрушечный. Веточка мимозы в крафтовой бумаге, перевязанная простой бечевкой. Желтые шарики, пушистые, нежные, пахнущие весной и детством. Мимоза – цветок, который дарит не мужчина женщине, а весна – всем подряд. Мимоза – это цветок из тех, что продают бабушки у метро, чтобы ты купил за сто рублей и улыбнулся. Мимоза – это не «я тебя хочу», это «я помню, что сегодня твой день».

Я беру букет. Пальцы дрожат.

– Распишитесь, – говорит курьер и протягивает планшет.

Я расписываюсь, не глядя. Курьер уходит. Я остаюсь стоять в подъезде, в клетчатом халате и тапках, с букетом мимозы в руках.

В воздухе пахнет весной. Я не знаю, как это объяснить, но мимоза пахнет именно весной – той самой, которой еще нет, но которая уже здесь. Этот запах – обещание. Он говорит: «Скоро будет тепло, скоро все зацветет, скоро ты выйдешь из дома без шапки и почувствуешь, что живешь».

Я не хочу чувствовать, что живу. Я хочу вернуться в квартиру, лечь под одеяло и сделать вид, что сегодня не восьмое марта, а, скажем, девятое или десятое. Обычный день. Ничего особенного.

Но я не ухожу. Я стою в подъезде и смотрю на букет.

Веточка мимозы. Всего одна. Кто отправляет одну веточку мимозы? Игорь отправил бы двести роз. Игорь всегда делал с размахом, даже когда извинялся. Особенно когда извинялся. Он приносил домой цветы на всю квартиру, говорил: «Прости, я был дураком», мы занимались любовью, и я думала, что это и есть счастье – прощать и быть прощенной. Я не знала тогда, что прощать его придется до бесконечности. Я не знала, что его измена с той девушкой не была случайностью, а была системой.

Я отгибаю край крафтовой бумаги. Там, внутри, приклеен маленький конверт. Белый, плотный, без подписи.

Я открываю его. Внутри – открытка. Самая обычная, из тех, что продаются в любом киоске. На лицевой стороне – нарисованная мимоза и надпись «С 8 Марта!». Такие открытки покупают в спешке, когда вспоминают, что сегодня праздник, а ты забыл поздравить коллегу.

Я открываю открытку. Там одно слово.

Одно единственное слово, написанное черной гелевой ручкой. «Нашелся».

Буквы. Я смотрю на буквы. На то, как выведено «Н» – с легким наклоном вправо, с завитком на верхней перекладине. На «ш» – три палочки, соединенные внизу одной чертой, быстрые, уверенные. На «ё» – две точки, которые поставлены не как у всех – сверху вниз, а слева направо.

Я знаю этот почерк.

Я знаю его так же хорошо, как знаю свое отражение в зеркале. Я видела его на любовных записках, которые оставляли мне на подушке. Я видела его на списках покупок, которые висели на холодильнике. Я видела его на свидетельстве о браке – там, где он расписывался своей фамилией, которую потом носил и я. Я видела его на заявлении о разводе, когда он ставил свою подпись, даже не глядя на меня.

Это почерк Игоря.

Но это не может быть почерк Игоря.

Потому что Игорь пишет иначе. Я знаю, я только что себе это сказала, я только что перечислила все, что связывало меня с его почерком. Но я ошибаюсь. Или не ошибаюсь? Я смотрю на это «Н» – наклон вправо, завиток. Игорь пишет «Н» с наклоном влево. Игорь пишет «Н» без завитка, просто две палочки и перекладина. Я помню. Я сотни раз смотрела, как он пишет. Я помню, как он заполнял анкету в ЗАГСе, и я смотрела на его руки – красивые, сильные руки, и думала: «Это мои руки, этот человек – мой, и я буду смотреть на эти руки каждый день».

Он заполнял анкету. Он писал: «Игорь Алексеевич Ковалев». И я смотрела. Я запомнила каждую букву.

Это не его почерк.

Но я знаю этот почерк. Я где-то его видела. Не так часто, как почерк Игоря, но достаточно, чтобы он отпечатался в моей памяти. Где? В какой-то открытке? В какой-то записке?

Я стою в подъезде, в тапках, с мимозой в одной руке и открыткой в другой, и пытаюсь выудить из памяти то, что она упорно прячет. «Нашелся».

Кто нашелся? Что нашлось? Я не теряла ничего. Я потеряла все, но я ничего не теряла. Я сама ушла, сама исчезла, сама не оставила адреса. Меня не искали. Меня никто не искал. Я проверила. Первые три месяца я каждую ночь смотрела на телефон, ждала, что он позвонит, напишет, придет.

Ничего. Тишина. Он не искал меня. Он нашел ту девушку, и они, наверное, полетели на Мальдивы уже вместе.

Почему сейчас? Почему здесь?

Я поднимаюсь в квартиру. Ноги несут меня на автомате – ступенька, ступенька, ступенька. Третий этаж. Дверь с облупившейся краской. Ключ, который никак не хочет поворачиваться в замке. Я захожу внутрь, и первое, что я делаю – иду к окну.

На улице еще темно, но уже начинает светать. Серое небо над крышами пятиэтажек. Воробьи на проводах. Где-то вдалеке лает собака. Обычный город, обычное утро, обычное восьмое марта.

Я ставлю букет на подоконник. Мимоза смотрится чужеродно на фоне этого серого утра – яркое, желтое, пушистое пятно. Она пришла из другого мира, из мира, где есть праздники, подарки, любовь, надежда.

Я не хочу надежды.

Я беру телефон. Надо позвонить Кате. Катя – моя подруга, мой якорь, мой детектор реальности. Если я звоню Кате и рассказываю ей, что случилось, а она говорит, что это странно, значит, это дей-

ствительно странно. А если она говорит, что я параноик, значит, я параноик.

Катя не берет трубку. Она спит. У нее выходной, она, наверное, вчера допоздна смотрела какой-нибудь сериал и сейчас спит без задних ног. Я сбрасываю звонок.

Остаюсь одна с мимозой и открыткой.

Я беру открытку и снова смотрю на слово. «Нашелся». Что это значит? Это угроза? Это напоминание? Это извинение?

Это не похоже на Игоря. Игорь не стал бы писать одно слово. Игорь написал бы: «Роза, я люблю тебя, прости меня, давай попробуем сначала». Или что-то в этом роде. Он не умел быть кратким. Он не умел быть загадочным. Он был простым, понятным, предсказуемым. Именно поэтому его измена стала для меня такой катастрофой – я не предсказала. Я думала, что знаю его насквозь, а оказалось, что не знаю ничего.

Но этот почерк. Я его знаю. Где я его видела?

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить. Что-то связанное с цветами. Нет, не с цветами. С чем-то другим. С каким-то моментом, когда я смотрела на чью-то руку, выводящую буквы. Это был не Игорь. Это был кто-то другой. Кто-то, кто писал медленно, аккуратно, с каким-то особым вниманием к каждой черточке. Кто-то, кто выводил «Н» с завитком, а «ё» с точками слева направо.

Алексей.

Имя приходит внезапно, без спроса, и я распахиваю глаза, потому что это имя – из той жизни. Из бывшей жизни. Из жизни, которую я заперла в коробку с надписью «Бывшая жизнь» и выбросила на антресоль своей памяти.

Алексей Ковалев. Младший брат Игоря.

Я видела его почерк один раз. Один единственный раз. Это было на семейном ужине, кажется, на Новый год. Мы сидели за большим столом в доме свекрови, и Алексей написал на салфетке какой-то адрес для своей мамы. Я смотрела, как он пишет, потому что мне

всегда было интересно наблюдать за людьми в быту. Его рука двигалась медленно, уверенно, и он вывел это самое «Н» – с завитком. Я подумала тогда: «У Игоря почерк резкий, мужской, а у Алексея – аккуратный, почти каллиграфический». И забыла. Зачем мне было помнить почерк брата мужа?

Зачем он мне сейчас?

Я смотрю на открытку. Нет. Это не может быть Алексей. Алексей – это... Алексей – это человек, который был на заднем плане всей моей семейной жизни. Он всегда был рядом, но как будто за стеклом. Он приходил на семейные ужины, улыбался, шутил, но никогда не был в центре внимания. Он был тихим. Он был незаметным. Он был «младшим братом», и все.

Мы никогда не были близки. Мы вообще почти не общались. Я знала, что он старше меня на два года, что он архитектор, что он не женат, что он живет отдельно от родителей. Вот и все. Он был для меня просто частью декораций – таких же, как дом свекрови, как семейный ужин по воскресеньям, как традиция сажать тюльпаны в саду каждую весну.

Он не мог отправить мне цветы. Он не знает моего адреса. Он не знает, где я. Никто не знает. Я специально никому не сказала. Я уехала ночью, пока Игорь был у той девушки. Я собрала чемодан, оставила ключи на тумбочке, написала записку: «Я уйду. Не ищи меня». И ушла. Я сменила номер телефона, удалила все соцсети, переехала в другой город. Я стала невидимкой.

Как он меня нашел?

Я снова смотрю на открытку. «Нашелся». Это не «я тебя нашел». Это «нашелся» – что-то нашлось. Что-то, что было потеряно. Но что?

Я ставлю чайник. Надо выпить чаю. Надо успокоиться. Надо перестать искать смысл там, где его, возможно, нет. Может быть, это просто розыгрыш. Может быть, это Катя решила меня разыграть. Она знает, что я не люблю сюрпризов, и специально придумала эту таинственную открытку, чтобы я с ума сошла от любопытства. Это похоже на Катю. Она обожает эти свои психологические игры.